

Приведенные данные показывают, что опыты иностранцев в применении к русскому языку тонического стихосложения были не единичны и потому не должны быть сбрасываемы со счетов при выяснении путей проникновения и водворения на русской почве новой стихотворной системы. Как немецкая буржуазная наука, насаждавшаяся Петром, явилась до возникновения туземной науки заменой феодально-теологических штудий московской интеллигенции конца XVII и начала XVIII вв., так и западное стихосложение (и именно немецкое, бывшее перед глазами у академических переводчиков) оказалось отправной точкой для перехода от силлабики к тонико-силлабике: Третьяковский, ссылавшийся, как на источник своих опытов, на народную поэзию и на «иллирическую книжку», в которой М. П. Петровский видит поэму И. Гундулича *Suze sina razmetnoga*,¹ безусловно знал и стихотворение Спарвенфельдта, и застольные песни Пауса, и перевод виршей Ганке, — все это было слишком известно, слишком на виду, и именно поэтому Третьяковский предпочел умолчать об этом материале.

¹ Библиографические заметки о некоторых трудах Третьяковского. Страничка из истории русского стихосложения. Казань, 1890, стр. 28—29. Ср. Перетц. Исследования, т. III, ч. I, стр. 52.